

Вепские языковые материалы в архиве Карельского научного центра

Начало исследованию вепского языка положили ученые Финляндии еще в начале XIX века, когда академик А.Шёгрен открыл вепсов для науки, и эти свои исследования они продолжают по сей день.

Русские исследователи вепской этнографии ещё в конце XIX века писали о неизбежном и быстром обрусении вепсов, однако жизнь не подтвердила предсказаний учёных. Хотя с тех пор численность вепсов значительно уменьшилась, но вепсы живы и всё больше привлекают внимание учёных, о чём свидетельствуют появляющиеся время от времени исследования. В России интерес к вепсам получил новый импульс, когда в исследование языка и культуры вепсов включились сами представители вепского народа, получившие академическое образование. Все они работали или работают в Петрозаводске. За последние полвека Петрозаводск стал центром изучения языка, истории и культуры вепсов. Именно здесь, в архиве Карельского научного центра, хранятся наиболее значительные материалы по вепсам.

Одним из первых учёных-вепсов был Степан Макарьев, который в 1930-е гг. возглавлял Карельский научно-исследовательский институт. Он, в частности, собирал и издал вепские сказки.¹

После неудавшейся попытки создания вепской письменности в 1930-е гг. те же люди, которые участвовали в этом начинании и остались живы после репрессий конца 1930-х гг. и жесточайшей мировой войны, в частности Николай Богданов и Матвей Хямяляйнен, продолжили в 1940–50-е гг. сбор вепского языкового материала, а в конце

1950-х гг. даже включили вепсскую тему в академический план работы научно-исследовательского института. В архиве КНЦ отложились записи Хямяляйнена, сделанные им в 1948 г. в дер. Пелдуши (Pecoil). Записи сделаны от руки, но очень качественные, информантом был местный учитель Михаил Ишевский. Часть записанных от него текстов вошла позднее в книгу «Образцы вепсской речи».² В 1958 г. Хямяляйнен побывал в обрусевшей вепсской деревне Печеницы Подпорожского района и встретил там единственного старика, говорившего еще на вепском говоре этой деревни. На основе записи этого информанта Хямяляйнен написал статью об особенностях этого вымершего говора.

В 1956 г. в архиве КНЦ появились первые магнитофоны, и с тех пор начался систематический сбор записей звучащей вепсской речи.

Николай Богданов, родом из вепсского села Шимозеро, составил картотеку своего родного говора (около 3 тыс. слов) и позднее защитил кандидатскую диссертацию «История развития лексики вепсского языка» (1952). И словарная картотека, и рукопись диссертации, а также рукописные материалы экспедиций 1955–1956 гг. к северным и южным вепсам хранятся в архиве института.

В 1957–1958 гг. под руководством Богданова состоялись первые экспедиции на самую восточную вепсскую окраину Пондала, Куя, Войлахта, где до тех пор никто из исследователей вепсского языка не бывал. По материалам экспедиции он опубликовал статью об особенностях восточно-вепсских говорах – куйского и пондальского.³

В 1960-е гг. в связи с ликвидацией неперспективных деревень появилась угроза быстрого исчезновения вепсского языка, многие его носители жили именно в маленьких, отдаленных от центра, стало быть, неперспективных деревнях. В Институте языка, литературы и истории КНЦ была принята программа планомерного сбора языкового мате-

риала и составления словаря вепских диалектов.

В связи с внезапной смертью в 1959 г. основного составителя словаря Николая Богданова к сбору вепской лексики подключилось новое поколение языковедов – Мария Зайцева и Мария Муллонен.

В 1961 г. я впервые побывала на Ояти в компании с этнографом Владимиром Пименовым, работала в Виннице, Озерах, Ладве, Пелдуши и Азмозере (Рихалуйне). Поездка длилась месяц и была довольно результативной. Мне удалось познакомиться с такими прекрасными информантами как Серафима Самакова и Александр Матвеев из Озер, Михаил Ишевский из Пелдуши, и многими информантами из Ладвы, прекрасно владевшими своим языком и охотно рассказывающими о прежней жизни. От Самаковой было записано более 20 сказок. Это словоохотливая женщина не просто рассказывала, а артистично исполняла и сказки, и разные истории про леших, домовых, водяных и прочих духах, о колдунах и знахарях. Матвеев, бывший сельский учитель, был знатоком рыбной ловли и охоты, а Ишевский хорошо знал секреты земледелия и рыболовства.

В то время в вепских деревнях еще все говорили по-вепски, в том числе и дети. Даже колхозные собрания, на которых я присутствовала, велись на вепском языке. Некоторые старики в Ладве плохо говорили по-русски. Находившаяся в шести километрах от Озер маленькая деревушка Рихалуйне была уже тогда отживающей деревней, только в двух домах жили люди. Там сохранились еще курные избы, хотя в них никто давно не жил. В Ладву из Озер попадали летом и осенью либо пешком, либо на тракторной волокуше, дорога была непроезжая. Зато в Ладве можно было записывать и причитания, и заговоры, и наблюдать воочию соблюдение многих старинных обычаев и даже встретиться с живым колдуном. Все записи этой поездки хранятся в фонограммархиве КНЦ.

Начиная с 1962 г., когда М.Зайцева вернулась из аспирантуры, мы ездили с ней вдвоем вплоть до 1970 г., собирая материал для диалектологического словаря. Нами была обследована почти вся территория современного заселения вепсов и сделаны многочисленные магнитофонные записи вепсской речи. СобираТЕЛЬСкая работа велась по специальной программе, включавшей все стороны народного быта, отражавшей материальную и духовную культуру народа. Большое место в этих материалах занимают этнографические и фольклорные тексты, часть из них была опубликована в книге «Образцы вепсской речи».⁴ Учитывая, что по северновепсскому диалекту имелись сборники текстов, опубликованных в Финляндии, мы включили в книгу образцы речи среднего и южного диалектов.

В 1965 г. мы решили обследовать деревни по побережью рек Колошмы и Ножемы в Бабаевском районе Вологодской области, где, по данным Э.Н.Сетяля, ещё в конце XIX века говорили по-вепски. Оказалось, что в середине XX века по-вепски там уже никто не говорил, представители старшего поколения помнили лишь отдельные слова, хотя их родители (примерно в начале XIX века) ещё говорили между собой по-вепски. Любопытно, что в каждой деревне нам говорили, что в соседних деревнях наверняка ещё говорят на вепском языке, но там обнаруживалась такая же картина.

В восточно-вепские деревни (Пондала, Куя, Войлахта) мы ездили неоднократно, хотя попадать туда в то время было сложно: последние 30 километров пути приходилось идти пешком, неся за спиной весь свой скарб. В Пондале жила прекрасная рассказчица Александра Калинина. Эта малограмотная женщина, никогда не читавшая книг, рассказывала так, будто по книге читала. Знала она много и охотно делилась своими знаниями. В «Образцах вепсской речи»⁵ мы уделили ей довольно много места. Впоследствии в Пон-

дали ездили и этнографы, и топонимисты, а Кайя Хейкинен (из Университета Йёнсуу) посвятила Пондале значительную часть своей недавно вышедшей книги.⁶ Пондала была своеобразной Меккой, где каждый исследователь считал нужным побывать.

Шимозерские вепсы, насчитывающие более 5 тысяч человек, были выселены с мест традиционного проживания в 1956–1957 годах. Они осели частично в вепсских деревнях на Ояти, и частично в прионежских деревнях и Оште, где мы с Ниной Зайцевой записывали их в начале 1970-х гг.

Мы с Марией Зайцевой заканчивали работу над вепским словарём в 1970 гг., когда в институте появилась Нина Зайцева, только что закончившая Вологодский пединститут. С тех пор до сегодняшнего дня она активно занимается исследованием вепсского языка, публикуя как грамматические, так и лексические работы. Она участвовала во многих комплексных экспедициях вместе с этнографами и топонимистами, собирая материал для своих публикаций во многих вепсских регионах. Эти материалы были использованы ею при составлении Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков (I том вышел в 2004 г.) и написании исследований по грамматике вепсского языка.

Мария Зайцева собирала в 1970-е гг. шимозерский материал в с. Ошта Вологодской области, куда переселились многие вепсы, выселенные в 1956 г. из Шимозера. На этом материале она написала грамматику шимозерского говора (1981). Позднее из записанных разными собирателями сказок она составила вместе с фольклористом Ниной Онегиной книгу «Вепские народные сказки».⁷

В конце 1970-х гг. в Институте начался систематический сбор вепсской топонимики, который продолжается по сей день усилиями Ирмы Муллонен. Уже более четверти века она собирает топонимику по всей территории проживания вепсов и в сопредельных регионах. Собрана обширная кар-

тотека, которая сейчас переводится в электронный вариант. По топонимическим материалам изданы монографические исследования и статьи.

Обстоятельное этнографическое обследование вепсов провели в 1980–90-е гг. этнографы Института Зинаида Строгальщикова, Ирина Винокурова и профессор Университета Йозенсуу Кайя Хейкинен. Строгальщикова побывала в 1980-е годы во всех вепских регионах и, можно сказать, пересчитала всех вепсов по головам. В фонограммархиве хранятся ее многочисленные записи этнографического и фольклорного материала. Институтом ЯЛИ было организовано несколько комплексных экспедиций с участием языковедов и этнографов, фольклористов-музыковедов, нередко и архитекторов, в результате которых собран обширный и разнообразный материал по материальной и духовной культуре вепсов. В нем можно найти подробное описание всех сторон народной жизни, обычаев и поверий, много сказок, причитаний, заговоров, частушек и т.д. По этим материалам опубликованы монографии и многочисленные статьи.

Наряду с фономатериалами в фонограммархиве хранятся и видеозаписи, сделанные во время экспедиций. В настоящее время по фондам фоноархива составляется электронный каталог. Одновременно проводится оцифровка звуковых записей. В сети Интернет размещен сайт, дающий представление о хранящихся в фонотеке звуковых материалах.

Магнитофонные записи вепской речи, хранящиеся в фонограммархиве КНЦ, составляют 220 единиц хранения (более 300 часов записи). Научное и культурное значение этих материалов с каждым годом растет, так как уходят из жизни люди, владеющие языком и сокровищами народного творчества. Фонограммархив выполняет важную работу по сохранению очень ценного, подчас уникального материала. Однако, несмотря на улучшающиеся условия хранения, не-

обходимо подумать о возможности использования материалов более широким кругом исследователей. Этому могли бы способствовать проекты по расшифровке и изданию материалов. Публикаций записей вепсской речи пока очень мало. По материалам нашего архива издано лишь две работы, названные выше: «Образцы вепсской речи» и «Вепские народные сказки».⁸ Кроме того, вепские тексты вошли в небольшой сборник текстов разговорной речи прибалтийско-финских языков и диалектов русского языка на северо-западе России под названием «Язык и народ».⁹

Кому приходилось расшифровывать магнитофонные записи диалектной речи, тот знает, какая это трудоёмкая работа и как хорошо надо владеть языком, чтобы расшифровки были действительно достоверны. Уже сегодня существует проблема специалистов, способных расшифровывать магнитофонные записи вепсской речи, и в дальнейшем эта проблема будет обостряться.

С другой стороны, очень отрадно, что XXI век начался с хороших показателей по изучению языка и культуры вепсов. За последние годы вышло несколько больших монографий, защищены докторские и кандидатские диссертации, что говорит о внимании ученого мира к вепским проблемам. Отметим здесь докторские диссертации Нины Зайцевой «Вепсский глагол»,¹⁰ Ирмы Муллонен «Топонимия Присвирья».¹¹ На подходе к защите кандидатская диссертация преподавателя Петрозаводского госуниверситета Ольги Жуковой об особенностях языка вепских причитаний.

В конце 2006 г. увидели свет весьма солидные монографии Ирины Винокуровой «Животные в традиционном мировоззрении вепсов»¹² и Кайи Хейкинен «Metsän pelko ja tietäjänaiset» (Боязнь леса и знахарки)¹³ и сборник статей, посвящённый памяти Николая Ивановича Богданова (к 100-летию со дня рождения) «Современная наука о вепсах: достижения и перспективы».¹⁴ Полевые материалы всех этих

исследований хранятся в Петрозаводском фонограмм-архиве.

Фонограммархиву КНЦ исполнилось в этом году 50 лет. Он выполняет большую работу по сохранению очень ценного, подчас уникального материала исчезающих языков и культур.¹⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Саватеев Ю.А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы. Петрозаводск. 1999.

² Зайцева Н.Г., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. Ленинград. 1969.

³ Богданов Н.И. О некоторых особенностях восточно-вепсских говоров – куйского и пондальского (Материалы) // Прибалтийско-финское языкознание, Вып. 23, М., Л., 1961. С. 33–41.

⁴ Зайцева, Муллонен 1969.

⁵ Там же.

⁶ Heikkinen Kaija. Metsän pelko ja tietäjänaiset. Helsinki. SKS. 2006.

⁷ Зайцева Н.Г. Вепские народные сказки. Петрозаводск. 1996.

⁸ Зайцева, Муллонен 1969; Зайцева 1996.

⁹ Вепсский язык // Язык и народ. Тексты и комментарии. СПб. 2002. С. 55–96.

¹⁰ Зайцева Н.Г. Вепсский глагол. Петрозаводск. 2002.

¹¹ Муллонен И.И. Топонимия Присвирия. Петрозаводск. 2002.

¹² Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск. 2006.

¹³ Heikkinen 2006.

¹⁴ Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск. 2006.

¹⁵ Марковская Е.В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов Карельского научного центра РАН). Рукопись. Петрозаводск. 2006.